

Он не был настолько велик, он просто не мог спокойно смотреть, как Лин Хуа умирает у него на глазах.

Видя, насколько покорным и смиренным стал Линь Сючуань, Е Хансу едва мог сдерживаться. Он бросился вперед, схватил Линь Сючуаня за плечи и принялся изо всех сил трясти его. Его глаза налились кровью, когда он впился взглядом в лицо собеседника: Говори! Если бы можно было обменять жизнь на жизнь, ты бы это сделал, верно? А? Отвечай же...

От такой тряски у Линь Сючуаня закружилась голова. Он не понимал, почему Е Хансу так остро реагирует, но на заданный вопрос отвечать не стал — лишь отвел взгляд, что можно было счесть за молчаливое согласие.

Е Хансу чувствовал, как внутри него разгорается пламя, готовое превратить его рассудок в пепел. Безрассудство Линь Сючуаня, готового на всё ради Лин Хуа, и его равнодушная реакция на самого Е Хансу вызывали в нем злость, ярость и даже густую, едкую ревность, которую невозможно было унять.

Да, он ревновал. Глубоко, неистово ревновал к тому, что один человек готов пройти через огонь и воду ради другого, причем добровольно.

Глядя на жалкий вид Линь Сючуаня, Е Хансу чувствовал, как внутри него бушует шторм. Его переполняли спешка и ненависть, изумление и гнев, и эта клокочущая ярость требовала выхода.

Не сдержавшись, он поднял руку, намереваясь в ярости обрушить удар на Линь Сючуаня...

Глава третья: Пощада

Столкнувшись с яростью Е Хансу, Линь Сючуань остался на удивление спокойным. В конце концов, худшим исходом была бы смерть от одного удара, и бояться ему было нечего.

Однако он просчитался, не угадав намерений Е Хансу.

Острый поток Внутренней силы устремился прямо к лицу Линь Сючуаня. Видя, что удар вот-вот достигнет цели, Линь Сючуань медленно закрыл глаза и даже почувствовал облегчение, словно это было избавлением.

Так даже лучше, пусть будет так... — подумал он.

Но Линь Сючуань так и не дождался удара — вместо этого раздался оглушительный грохот.

Когда Е Хансу увидел, что Линь Сючуань закрыл глаза, он резко изменил направление удара,

обрушив ладонь на стоящий рядом стол из красного дерева. Бедный стол, ставший невинной жертвой, тут же разлетелся в щепки.

Грудь Е Хансу тяжело вздымалась. Он холодно произнес: Подумал, что я убью тебя? Нет, я придумал способ получше.

Сказав это, Е Хансу обхватил тонкую талию Линь Сючуаня, другой рукой прижал его голову к себе и грубо впился в бледные губы.

Линь Сючуань в панике не успел среагировать, как почувствовал резкую боль — Е Хансу в порыве атаки до крови разбил ему губу. Линь Сючуань в смятении принялся отчаянно сопротивляться, пытаясь оттолкнуть руку, державшую его за талию, но чем сильнее он вырывался, тем крепче сжимались пальцы, едва не лишая его возможности дышать.

Распространившийся привкус крови, казалось, лишь раззадорил Е Хансу, в то время как сердце Линь Сючуаня сковал страх.

Внезапно Е Хансу резко дернул рукой, подхватил Линь Сючуаня на руки, сделал несколько широких шагов к кровати и с силой бросил его на постель.

В глазах Линь Сючуаня застыл ужас, он забился, пытаясь освободиться, но, будучи истощенным и лишившимся своей Внутренней силы, он не был ровней Е Хансу и был мгновенно подавлен.

Не забывай, что ты мне обещал. Даже если Черный линчжи уже попал в Секту Линъюнь и его вылечили, я могу убить его в любой момент. Что скажешь? — ледяным тоном произнес Е Хансу, прищурившись и глядя на человека под собой.

Услышав это, Линь Сючуань замер, его сопротивление угасло, и он обмяк, перестав двигаться.

Е Хансу был прав: даже если Линь Хуа поправится, если Е Хансу действительно захочет его убить, он это сделает.

Линь Сючуань смирился с судьбой, отвернул голову и закрыл глаза.

Он сдался.

Он не сопротивлялся, не боролся и не потакал, просто позволив Е Хансу делать всё, что тому заблагорассудится.

Однако в какой-то момент Е Хансу внезапно остановился.

Он машинально коснулся лица Линь Сючуаня и ощутил под пальцами холодную влагу.

Е Хансу слегка вздрогнул, и к нему наконец вернулся помутившийся рассудок.

Это были слезы. Слезы Линь Сючуаня. Этот человек, казавшийся таким сильным и бесстрашным, плакал.

Говорят, что мужчины не плачут по пустякам, — сколько же обиды и горя нужно было пережить, чтобы слезы хлынули непроизвольно?

В комнате, освещенной теплым светом ламп, Е Хансу смотрел на лежащего перед ним человека. Его глаза были крепко зажмурены, нижняя губа искусана до крови, на бледном, как рисовая бумага, лице блестели дорожки слез, на лбу выступили мелкие капли пота, а одежда была в беспорядке.

Е Хансу почувствовал, как что-то больно пронзило его сердце, отозвавшись горечью и болью.

Линь Сючуань не должен быть таким — сломленным и хрупким. Он должен был смеяться, подобно весеннему ветру, сиять, как ясная луна, и быть вольным, словно птица.

В глазах Е Хансу не осталось ни капли ярости, лишь безграничная нежность. Он вздохнул, мягко склонился и поцеловал Линь Сючуаня в веки, после чего вытер его слезы и прижал к себе.

Линь Сючуань молчал, лишь зажмурившись и до боли закусив губы.

Спустя долгое время Е Хансу уложил его, укрыл одеялом и вышел из комнаты.

Лишь когда шаги стихли, Линь Сючуань открыл глаза — и тут же две слезы скатились на подушку.

Он чувствовал унижение и бесконечную печаль, но выбора у него не было. Он не понимал, почему Е Хансу решил его пощадить, но чувствовал, что, даже избежав беды сегодня, он не спасется навсегда. Оставалось лишь надеяться на лучшее и действовать по ситуации.

Он понимал: после всего случившегося вернуться в Секту Линъюнь он уже не сможет.

Он это отчетливо осознавал.

Долгий путь через горы и реки, снег и бури, а затем и череда этих потрясений окончательно истощили дух и тело Линь Сючуаня. Теперь, когда силы были на исходе, он поддался усталости

и провалился в тяжелый сон.

Вернувшись с тазом горячей воды, Е Хансу обнаружил, что Линь Сючуань лежит в той же позе, что и раньше, не сдвинувшись ни на дюйм. Он поставил таз, намочил полотенце и, сев на край кровати, принялся бережно вытирать лицо Линь Сючуаня. Закончив, он разделся, лег рядом и, обняв его, уснул.

На следующее утро стук в дверь вырвал Е Хансу из приятного сна. Открыв глаза, он первым делом увидел лицо Линь Сючуаня с легким румянцем, хотя брови того были по-прежнему хмуро сдвинуты.

<http://bllate.org/book/27231/3301639>